

мых под редакцией Ф. Паппа и Ж. Лендьеда, Л. Балло и К. Уйвари опубликовали материалы по венгерским вербальным ассоциациям.

В двух частях первого выпуска «Венгерских вербальных ассоциаций» приводятся полные результаты проведенного в 1979 году ассоциативного эксперимента в Дебреценском университете. 384 испытуемых-студента выдали в его ходе по одной свободной ассоциации на каждый из предъявленных им 188 слов-стимулов. В список стимулов включено 75 из 100 стимулов первоначального ассоциативного списка Г. Кент и Н. Розанова, а также стимулы, определенные на основании частотных данных, и стимулы, эквивалентные включенным в первый выпуск «Словаря ассоциативных норм русского языка», что должно будет облегчить намеченное в будущем сравнение на русском языке ассоциаций венгерских учащихся. Каждая из расположенных в алфавитном порядке 188 статей содержит все выданные испытуемыми реакции на данный стимул. Они располагаются в порядке убывания частоты ответов, которая, разумеется, тоже указывается. Стимул и пять самых частых ассоциаций переводятся на русский и английский язык, что облегчает использование словаря иностранцами. Для стимулов было бы полезно дать наряду с естественно приблизительными переводами также английский эквивалент из списка Кент — Розанова и русского ассоциативного словаря тогда, когда он не совпадает с переводом стимула (ср. в английской части переводы стимулов «цветок», «доктор», «быстрый» и под.). В списке довольно много глаголов, которые даются в форме 3 лица ед. ч. наст. вр. К словарю приложен очень полезный указатель ассоциаций, встретившись 3 и более раз.

Надо отметить, что введения к обоим выпускам даны не только на венгерском, но также на русском и английском языках.

Две части второго выпуска содержат результаты ассоциативного эксперимента с теми же 188 стимулами, проведенного с учащимися 11—14 лет в 1981 году. Словарь и приложение к нему построены так же, как в первом выпуске. Только показатель *N* в конце статьи в первом выпуске, как это принято, обозначал количество испытуемых, а во втором он использован для обозначения пропущенных ответов, что не совсем обычно. Можно отметить, что в частых реакциях подростки приближаются к ассоциированию взрослых, как это было и в словачком эксперименте Л. Маршаловой и белорусском Г. И. Николаенко, т. е. к концу рассматриваемого возраста уже формируется ассоциативная система, близкая к лексико-ассоциативной системе взрослых.

Публикации венгерских коллег обогащают наши сведения о лексическом ассоциировании данными еще одного языка, не входящего в индоевропейскую семью (до сих пор опубликован лишь киргизский словарь Л. Н. Титовой и не-

которые данные по другим тюркским и эстонскому языкам). Анализ этих данных, в том числе и сравнительный, представляет значительный интерес для типологической и теоретической лингвистики, а также в связи с вопросами обучения языку.

А. Е. Супрун,
А. П. Клименко

Н. Б. Мечковская. *Ранние восточнославянские грамматики* / Под ред. А. Е. Супруна. — Минск: изд-во «Университетское», 1984. — 160 с.

Рецензируемую работу можно назвать образцово выполненным исследованием достижений и лингвистической методологии ранних восточнославянских грамматик.

В основу работы по истории формирования определенной науки могут быть положены разные принципы. Историконаучное исследование может быть ориентировано на то, чтобы выявить, как научные представления некоторого времени выступают в качестве предпосылки науки более поздней. В работах такого типа критерием ценности тех или иных представлений служит наличие их продолжения, развития на следующем историческом этапе. При подобном подходе многие положения ранних восточнославянских грамматик показались бы наивными, беспомощными (так и воспринимались они многими исследователями).

Существует иной подход: на основе воссоздания всего комплекса представлений, характерных для определенной области знаний на раннем этапе ее развития, и использования всех возможных методов устанавливается, как и почему возникли те или иные свойственные данной эпохе элементы научной мысли в их совокупности. При этом учитываются связи с характерными сторонами жизни общества определенного времени и места. Именно такой путь избирает автор, и ему удается показать, в частности, что многие «детские» идеи грамматистов XVI—XVII вв., оставшиеся за пределами более поздней науки, являются достаточно закономерно возникающей составной частью начинающейся развиваться восточнославянской науки о языке.

Своеобразие восточнославянской филологической мысли XVI—XVII веков определяется, по мнению Н. Б. Мечковской, «столкновением многовековых славяно-византийских культурных традиций с новыми явлениями европейской культуры, связанными с гуманизмом, Реформацией и контрреформацией, барокко» (с. 6). Несомненной заслугой автора является то, что отличительные признаки церковнославянского языка и филологической традиции у восточных славян, которые, как справедливо утверждается в работе, есть основания рассматривать и как отличительные признаки всей восточнославянской культуры этого периода, устанавливаются на основе анализа сложных внутренних связей в духовной

жизни Европы XVI—XVII веков (разделы «Восточнославянская филологическая традиция в XVI—XVII вв.»; «Грамматика в филологической литературе XVI—XVII вв.»). Важен следующий вывод автора: хотя ранние восточнославянские грамматики (и словари) создавались для филологической защиты церковнославянского языка и, как правило, по византийским образцам, восточнославянская сторона, воспринимавшая чужую культуру, не была пассивной. Значительная близость церковнославянского языка и народных славянских языков рассматриваемого периода приводят к тому, что церковнославянские грамматики функционируют как грамматики родного языка. В них представлены попытки анализа языковых фактов, отражающие в известной мере конкретную языковую практику говорящих.

Анализируя грамматическую литературу («Состав памятников грамматического содержания»), исследовательница показывает источники и пути распространения лингвистических знаний у восточных славян в XVI—XVII веках.

Рамки журнальной рецензии не дают возможности подробно анализировать содержание основных разделов работы — «Грамматический строй языка в изображении ранних восточнославянских грамматик», «Методы описания грамматического строя языка в восточнославянской традиции XVI—XVII вв.». Отметим лишь, что, подводя итоги, автор перечисляет наиболее значительные достижения восточнославянской грамматической традиции XVI—XVII веков: 1) выявление системы грамматических категорий, в основном адекватное строю церковнославянского языка; верное соотношение грамматических значений и соответствующих им форм; 2) создание разветвленной словоизменительной классификации лексики; 3) достаточно полное выявление репертуара флексий, в том числе исчерпывающее описание церковнославянского субстантивного склонения; 4) осознание отношений словообразовательной производности между словами; 5) выявление основных механизмов морфологии; 6) выявление грамматической полисемии; 7) выявление лексической полисемии; 8) выявление лексико-семантических связей слов; 9) осознание своеобразия сочетаемости лексико-семантических групп слов и отдельных значений многозначного слова; 10) отражение грамматической вариантности; 11) осознание нормативно-стилистического аспекта грамматики; 12) проведение межъязыковых сопоставлений; известный отход от стихийного лингвистического универсализма средних веков» (с. 140—141). Метод ранних восточнославянских грамматик, по Н. Б. Мечковской, может быть охарактеризован как описательный, синхронический, нормативный, имеющий классифицирующую направленность (с. 141).

Представляется бесспорным общий вывод о значительности достижений восточнославянских грамматик XVI—XVII веков «в познании языка и разработке

методов лингвистического анализа», а также о сложении определенных средств и способов представления лингвистического содержания (с. 141). Верно, что церковнославянский язык, использованный при этом, «обеспечивал понятийно-терминологическую преемственность» в последующей истории филологической культуры восточного славянства.

К работе приложен указатель имен и произведений, упомянутых автором; нет, к сожалению, указателя рассмотренных терминов, необходимость которого в исследовании такого рода совершенно очевидна. Некоторые положения работы хотелось бы видеть более развернутыми, развитыми.

Монография Н. Б. Мечковской, написанная строго научно, обнаруживает глубину филологической культуры, тщательную продуманность методологических позиций автора, высокий профессионализм историко-лингвистического анализа. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при рассмотрении проблем, имеющих прямое или косвенное отношение к истории всех восточнославянских языков.

Э. Г. Шимчук

Н. Ф. Клименко. *Словотворча структура і семантика складаних слів у сучасній українській мові*. — Київ: Наукова думка, 1984. — 252 с.

Складанія слова як асоби разрад вытворних з дауніх часоў прыцягваюць да сябе ўвагу даследчыкаў. Знешняя прастата ўтварэння, празрыстасць семантыкі і выразнасць матывіроўкі дазволілі многім залічыць кампазіцыю (аснова- і словаскладанне) ледзь не да самага простага і адсюль лёгкага спосабу словаўтварэння. Аднак імклівы (калі не сказаць, лавіны) рост кампазітаў у наш час, асваенне самых розных прыёмаў іх утварэння паставілі перад лінгвістыкай цэлы шэраг пытанняў як тэарэтычнага, так і прыкладнага характару. Шмат якія з гэтых пытанняў ставяцца і вырашаюцца ў манаграфіі Н. Ф. Кліменка. Сярод важнейшых задач даследавання аўтар выдзяляе найперш вызначэнне семантычнай і словаўтваральнай структур складаных слоў у межах асноўных часцін мовы, параўнанне марфемных структур простых і складаных слоў, характарыстыку найбольш істотных рыс узаемадзеяння словаўтваральнай і лексічнай семантыкі, уласцівай кампазітам сучаснай украінскай літаратурнай мовы.

Услед за іншымі даследчыкамі Н. Ф. Кліменка вылучае 4 спосабы марфалагічнага словаўтварэння: а) афіксацыю, б) словаскладанне або юстапазіцыю, в) асноваскладанне або кампазіцыю, г) скарачэнне або абрэвіяцыю. Такая класіфікацыя спосабаў марфалагічнага словаўтварэння грунтуецца на супрацьстаўленні простых (аднаасноўных) і складаных слоў, якія маюць не менш двух каранёў. Афіксацыя, зазначае даследчыца, можа прысутнічаць як дадатак да іншых спосабаў словаўтварэння (аснова-, словаскладання і абрэвіяцыі).